

Шэн Юань больше десяти лет прожил в чужом доме и как никто другой научился улавливать малейшие перемены в настроении окружающих.

Почувствовав, что атмосфера между мужчинами накалилась, он сразу же поспешил ретироваться, чтобы не попасть под горячую руку.

Он смутно помнил, что когда-то старший брат и Му Сюнь были неразлейвода. Дружили еще со студенческой скамьи, а повзрослев, даже основали совместную компанию.

Вот только никто толком не знал, то ли из-за денег пробежала между ними черная кошка, то ли они просто не сошлись во взглядах. Дело закончилось грандиозной ссорой, после которой их пути разошлись навсегда.

Впрочем, обо всем этом Шэн Юань знал лишь смутно, из обрывочных разговоров старших. Истинная причина, разрушившая их дружбу до основания, оставалась для него тайной.

Комнату Шэн Юаню выделили на втором этаже, в самом конце коридора. Просторная гостевая спальня пустовала и выглядела точно так же, как в день его отъезда. В косых лучах света лениво кружились пылинки — казалось, сюда уже вечность никто не заглядывал.

Сбросив кеды, Юань достал телефон и первым делом настроил в общий чат на троих, напоминая кое-кому, что пора бы покормить Яояо козьим молоком.

Стоило ему съехать из общежития, как Лу Тинси и Сун Бинчэн повадились заглядывать к нему на огонек, превратив его скромное жилье в постоянное место для дружеских посиделок.

Сун Бинчэн ответил мгновенно.

[Крутой парень: «Пока тебя дождешься, малец с голоду помрет. Глянь, какое пузо наел — настоящий мячик» [Изображение]]

Шэн Юань улыбнулся, сохранил снимок и отправил в ответ стикер с кланяющимся щенком.

Он потянул за ручку платяного шкафа, мгновенно испачкав пальцы в пыли, но внутри, к его облегчению, все еще висело несколько старых вещей.

Сняв с вешалки светло-бежевые брюки, он быстро стянул промокшие джинсы. Но стоило ему начать переодеваться, как из-за стены донесся оглушительный грохот — пол под ногами ощутимо вздрогнул.

В той стороне находился кабинет старшего брата.

Юань замер на долю секунды, а затем, даже не обувшись, тихонько побежал на цыпочках в коридор.

Привалившись к стене, он стал неторопливо натягивать штанину, на ходу шепча под нос оправдания:

— Я вовсе не подслушиваю. Просто мне удобно переодеваться именно здесь.

За дверью царило тяжелое молчание.

По ту сторону стены все было иначе.

— Шэн Байган, ты что, блядь, с ума... сука!

Сильная ладонь намертво зажала рот Му Сюня, оборвав ругательство на полуслове.

С хмурым, ледяным лицом Байган выволок его за собой в глубь кабинета и, не церемонясь, швырнул на середину комнаты.

Му Сюнь покачнулся, едва удержавшись на ногах благодаря тяжелому столу из красного дерева. Смахнув со лба растрепанные волосы, он мельком глянул на свое растерзанное отражение в остывшей чашке чая.

Байган резко развернулся и захлопнул дверь. Раздался негромкий щелчок замка — они оказались полностью отрезаны от остального дома.

Полумрак кабинета напоминал уединенную темницу. Тяжелая старинная мебель лишь усиливала гнетущее ощущение замкнутого пространства. За окном стеной хлестал ливень, изредка громыхали глухие раскаты грома, словно окончательно запечатывая их в этом тесном мире.

Му Сюнь провел тыльной стороной ладони по губам, стирая следы борьбы. Когда он вновь поднял голову, на его лицо уже вернулась привычная маска беззаботного веселья.

— Что такое, братец? Злишься, что мы с Юань-Юанем не позвали тебя на помолвку?

На его губах заиграла тонкая усмешка, а в голосе проскользнули вкрадчивые, почти заискивающие нотки.

— Ну не дуйся. Сам ведь пропал в своем Сиэтле на целых пять лет, ни слуху ни духу не подавал. Знай я, что ты решишь вернуться так скоро, непременно отложил бы торжество на пару месяцев.

Байган стоял против света, его силуэт тонул в густом полумраке. Даже его дыхание казалось неслышным на фоне неумолчного шума за окном.

Му Сюнь прекрасно понимал, в какое бешенство приводит его эта показная беспечность, но нарочно продолжал кривляться. Видеть, как трещит по швам чужое хваленое самообладание, доставляло ему ни с чем не сравнимое удовольствие.

— Если тебе так обидно, — с притворным сочувствием протянул он, — я могу устроить еще один прием в усадьбе. Обещаю усадить тебя на самое почетное место. А то до сих пор локти кусаю, что не удалось лично поднять за тебя бокал.

Язвительные уколы наконец возымели действие. Послышались неторопливые шаги — мягкие, почти бесшумные. Байган приблизился вплотную, нависая над ним всей своей грозной фигурой, и глухо спросил:

— Зачем ты втянул во все это А-Юаня?

Му Сюнь издевательски фыркнул:

— Сколько лет не виделись, а ты даже не спросил, как мои дела, ладится ли бизнес... Все твои мысли только о нашей свадьбе. Что, братец, возраст поджигает, завидно стало?

Это нарочито фамильярное «братец» раз за разом вонзалось под кожу, подтачивая и без того хрупкую плотину байгановского терпения. Каждое слово приближало его к опасной черте.

Му Сюнь заметил, как вздулись вены на тыльной стороне ладоней Байгана, услышал, как яростно хрустнули его сжатые кулаки. Он буквально кожей ощущал, как в груди этого человека просыпается готовый к прыжку хищник. И вопреки здравому смыслу ему отчаянно хотелось сорвать с него эту безупречную маску благопристойности.

Сюнь вызывающе вскинул подбородок. В полумраке слабо блеснула тонкая серебряная цепочка на его шее.

Отбросив всякие приличия, он заговорил прямо и жестко:

— Будь спокоен, я не стану гнобить парня, как это принято в вашей семейке. Если уж я берусь о ком-то заботиться, то буду пылинки с него сдувать. Я не ты, Байган.

Байган пропустил выпад мимо ушей. Дождавшись, пока тот замолкнет, он повторил с ледяным упорством:

— Зачем тебе эта помолвка?

— Ты что, совсем глухой, блядь?!

Терпение Му Сюня лопнуло. Его до глубины души бесил этот допрос, а методичные, однообразные вопросы лишали последних крох самообладания.

Схватив со стола тяжелую папку с документами, он с размаху швырнул ее Байгану в лицо.

Листы белым веером брызнули во все стороны. От удара голова Байгана дернулась, зубы до крови прикусили щеку изнутри. На губе выступила алая капля.

— С какой стати я должен перед тобой отчитываться? Ты мне никто!

Му Сюнь мертвой хваткой вцепился в его воротник, комкая ткань и натягивая ее так, что у Байгана на шее проступили багровые полосы. Вид чужой уязвимости отозвался в его душе темной, извращенной радостью.

— Заруби себе на носу, Байган: я не просто обручился с ним. Как только в следующем году ему стукнет двадцать, мы сыграем свадьбу! Что, уже тошно? А на само торжество ты с ножом припрешься, чтобы всех порешить?

Металл помолвочного кольца на пальце Сюня больно уперся Байгану в подбородок. Тот лишь презрительно усмехнулся:

— Похоже, зря я приехал. Столько лет прошло, а ты умом так и остался в детском саду.

Му Сюнь опешил.

— Что ты сказал?! — прошипел он, не веря своим ушам.

Вместо ответа Байган железной хваткой перехватил его запястье и без лишних усилий разжал пальцы, высвобождая ворот рубашки. Он сжал руку Сюня так крепко, что тот невольно поморщился от резкой боли.

— В одном ты прав: твои капризы и детские игры никогда не стоили моего времени, — ровным, глухим голосом произнес Байган. Его взгляд оставался непроницаемым. — Но раз уж я здесь, ответь мне прямо: ты пошел на это из-за чувств к А-Юаню? Или у тебя другие мотивы?

— Да какое твое...

— Самое прямое. Шэн Юань — мой брат, — жестко оборвал его Байган. — Подумай хорошенько, прежде чем открывать рот. Ты уже взрослый мужчина и должен отдавать себе отчет в собственных поступках. Если ты искренне любишь его — мешать не стану. Но если эта нелепая помолвка — лишь способ насолить семье или прикрыться отседающих старших, то ты поступаешь как эгоистичная тварь. Юань ни в чем не виноват, и портить ему жизнь я не позволю. Надеюсь, я выразился достаточно ясно?

Его грудь тяжело вздымалась, а вокруг него словно физически сгустился морозный воздух.

Му Сюнь с вызовом уставился ему в лицо. Разумеется, разум заволакивало яростью, сердце бешено колотилось в груди, но страха не было и в помине.

— А если я промолчу? — процедил он.

— Разорвешь помолвку.

На секунду воцарилась тишина, а за ней последовал безумный, хриплый хохот — Му Сюнь, зажав ладонью рот, смеялся захлеб, словно услышал лучшую шутку в своей жизни.

Гроза за окном бушевала с новой силой. Отрезанный от всего мира кабинет казался крошечной шлюпкой, затерянной в бескрайнем океане, где не было ни руля, ни паруса, а над черной бездной разносился лишь этот надрывной, пустой смех.

Он хохотал до слез, пока на ресницах не выступила влага, которую он тут же грубо смахнул пальцем.

— Разорвать помолвку? — Му Сюнь сузил глаза, в упор глядя на мужчину. — С какой стати? Ты же всегда ненавидел этого ублюдка. Разве не его появление разрушило твою семью? Что случилось, Байган? К старости проснулась совесть и ты решил поиграть в заботливого старшего брата? Где же ты был раньше, черт тебя дерит?

— Все это — грехи отца, — глухо отозвался Байган. — Юань не выбирал, кем и от кого ему рождаться.

Эта непреклонность окончательно лишила Сюня рассудка. Он отбросил последние крохи приличий, вываливая наружу всю накопившуюся грязь и обиду.

— Да что с вами не так?! Почему вы, сильные мира сего, вечно суετε нос в чужую жизнь? Му Сюдо, теперь ты... С какого перепугу я должен плясать под вашу дудку?!

Он рванул воротник рубашки, тяжело дыша:

— Слушай сюда, Байган. По старой дружбе я не хотел переходить черту. Но судьбу Шэн Юаня решать не тебе. Что, непривычно терять контроль? Бесит? Так знай: чем сильнее вы будете против, тем быстрее мы поженимся. И свадьбу я закачу такую, что вся страна содрогнется!

Слова угодили в цель. Байган мгновенно рванулся вперед и мертвой хваткой вцепился Сюню в подбородок. Его пальцы сжались с такой силой, что кости челюсти жалобно хрустнули. Боль была резкой, ослепляющей — у Сюня против воли брызнули слезы.

—... Совсем крышу сорвало, придурок?! — прохрипел Сюнь.

Пытаясь вырваться, он попятился и со всего маху налетел поясницей на острый угол стола. В глазах потемнело от боли. Он согнулся пополам, тихо шипя сквозь зубы:

— Ублюдок...

Но Байган не отпускал. Безжалостно вздернув его лицо вверх, он заставил Сюня смотреть себе в глаза — дикие, налитые кровью. Вся его напускная вежливость, холодная отстраненность и светские манеры испарились без следа. Перед Сюнем стоял зверь, лишенный всякого контроля.

Байган нащупал его левую ладонь, грубо схватил за пальцы и одним резким движением сорвал с безымянного пальца кольцо. Металлический ободок со звоном отлетел в дальний угол комнаты и затерялся в темноте.

— Твоя правда: я ублюдок, — выдохнул Байган прямо ему в губы. — Мы виноваты перед Юанем, и я сделаю все, чтобы загладить эту вину. Но ты ему никто. Обычный чужак, которому нет дела до его счастья.

Он приблизил свое лицо еще ближе, заставив Сюня содрогнуться:

— Свадьбы не будет. Я этого не допущу.

Гнетущую тишину разорвал негромкий, робкий стук в дверь.

— Брат, братец Сюнь? — послышался из коридора приглушенный голос Сяо Е. — Мама зовет к столу. Пора ужинать.

Байган замер, медленно разжимая пальцы. Его плечи все еще тяжело вздымались.

— Идем, — хрипло бросил он в сторону двери.

Бешеное напряжение, только что искрившее между ними, начало медленно остывать, уступая место мертвой тишине. Сюнь со слабым вздохом высвободился из чужих объятий, тяжело и прерывисто дыша.

Эта вспышка гнева, копившаяся долгие годы, опустошила его до дна. Силы покинули тело, оставив лишь звенящую, непреодолимую усталость. Сейчас он чувствовал себя хрупким стеклом, покрытым сетью мелких трещин — тронь пальцем, и оно рассыплется в пыль.

Им следовало навсегда остаться чужими людьми после той давней ссоры. Провести черту, за которую никто не посмеет переступить, и жить дальше, не оглядываясь назад.

Но Байган вернулся.

И одним своим присутствием разрушил иллюзию покоя, безжалостно сорвав с их общего прошлого фальшивый глянец.

Постояв еще немного в темной комнате, они молча направились к выходу.

Щелкнул выключатель, захлопнулась дверь.

И в заброшенном кабинете снова воцарился мрак, нарушаемый лишь воем ветра и монотонным стуком дождя по оконному стеклу.

<http://bllate.org/book/20131/2130887>